

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Кошлаков Дмитрий Михайлович

**УРОВНИ ЯЗЫКА НАУКИ
КАК ПРОБЛЕМА ЭПИСТЕМОЛОГИИ**

Специальность 5.7.1 – Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2022

Работа выполнена в секторе социальной эпистемологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук.

Научный руководитель: **Антоновский Александр Юрьевич**
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Официальные
оппоненты:

Дорожкин Александр Михайлович
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии физического факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Черняк Алексей Зиновьевич
кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», кафедра философии института социально-гуманитарного образования.

Защита состоится «27» сентября 2022 года в 16:00 часов на заседании диссертационного совета 24.1.143.03 при федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт философии Российской академии наук по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, зал заседаний ученого совета (ком.313).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН (https://iphras.ru/uplfile/diss/koshlakov/dissertatsiya_koshlakov.pdf).

Автореферат разослан «___» _____ 20__ года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

М.А. Пилюгина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В исследованиях языка научного знания преобладает ориентированный на достижения современной логики неопозитивистский подход. Его несомненным преимуществом является строгость и логичность аргументации. При этом он акцентирует внимание на статичном, устоявшемся научном знании, то есть позволяет фокусировать внимание на контексте обоснования и рассматривать по сути дела ставшее научное знание.

Вместе с тем, наука и ее язык не сводятся к статичному аспекту своего функционирования, а предполагают и противоположный ему динамический аспект. На этот аспект обращает свое внимание постпозитивистская философия науки, однако существенная трудность состоит в обнаружении таких методологических инструментов, которые бы позволяли сделать фокусом исследовательского внимания не ставшее, а становящееся научное знание, исследовать не контекст обоснования, а контекст открытия.

Противоположность двух картин мира, – субстанциональной и процессуальной, – применительно к науке и ее языковой реальности проявляет себя в наличии в языке науки двух уровней: теоретико-отрефлектированного и стихийно-творческого. Первый обусловлен сознательной деятельностью человека, его целенаправленными усилиями и связан с неким логическим упорядочиванием мира, тогда как второй к сознательной деятельности и логическому мышлению не сводится. На одном уровне мы имеем дело с четкими и жесткими языковыми структурами и конструкциями, на другом – с гибкими и размытыми языковыми образованиями.

Для сколько-нибудь полного описания окружающей нас реальности язык науки должен иметь как субстанциональный уровень своего функционирования, так и уровень процессуальный. При всей их взаимной противоположности оба принципиально важны для познания, что, как известно, является одной из ключевых и вместе с тем древних проблем описания мира.

Судя по всему, в языке науки наличествует некий баланс субстанционального и процессуального уровней, теоретико-отрафлексированного и спонтанно-творческого компонентов. Недаром научное мышление не сводится к мышлению сугубо понятийному, а также к формальной логике. Ярким подтверждением этого тезиса служит полемика по основаниям математики как одной из наиболее строгих наук и как науки, которая (наравне с логикой) в известном смысле конституирует научное знание.

Актуальность исследования процессуального уровня языка науки для современной эпистемологии очевидна, однако является достаточно серьезной проблемой, ибо крайне мало соответствующих инструментов, которые бы позволяли этот уровень языковой реальности науки подвергать анализу.

В силу сложности и неоднородности языка науки представляется перспективным исследование его как некоего многоуровневого образования. Однако для того чтобы такое исследование стало возможным, необходимы более развернутые теоретические представления об уровнях языка науки, нежели те, которые мы уже дали.

В первом приближении можно принять, что уровни языка – это некие его подсистемы, которые представляют собой совокупности относительно однотипных единиц языка, а также связей между единицами, составляющими один и тот же уровень. Применительно к естественному языку примерами таких единиц служат слова и предложения, а в случае с языком науки – термины и утверждения.

Коль скоро исследование уровней языка науки требует выделения неких его единиц, способных являть собой множества относительно сходных объектов, имеет смысл опереться на идею стадияльного развития мышления в онтогенезе. Признание факта взаимозависимости языка и мышления дает к тому существенные основания.

Развитие мышления человека в онтогенетическом срезе подчиняется определенным закономерностям. В частности, можно наблюдать последовательное начало формирования у ребенка следующих трех типов

мышления: *практически-действенного, наглядно-образного и понятийного* (рис. 1). При этом понятийное мышление способно сформироваться только при определенном уровне общественного развития и культуры и, прежде всего, в ходе освоения (в том числе изучения) научного знания.

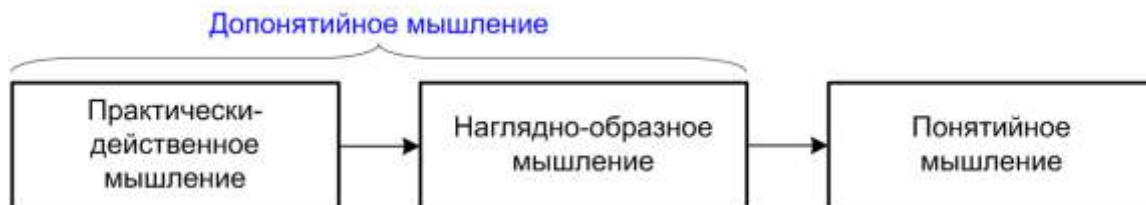

Рис. 1. Последовательность активизации типов мышления у ребенка

Концепция, схематично изображенная на рис. 1, носит диахронистский характер. Однако если смотреть на нее под несколько иным углом зрения, следует признать, что она имеет и некоторое синхронистское измерение; оно в данном случае состоит в том, что в мышлении достаточно развитого в интеллектуальном плане человека три указанных типа мышления действуют совместно. При этом уровень развития этих типов мышления у каждого человека, строго говоря, индивидуален. В конечном итоге, личность способна мыслить как *понятийно*, так и *допонятийно* (практически-действенно и наглядно-образно); подлинное мышление носит комплексный характер, и именно это во многом обеспечивает мышлению гибкость и эпистемологическую продуктивность.

Насколько можно судить, допонятийное мышление проявляет себя не только в обыденном познании, но и в других типах познания, в том числе познании научном. Если это утверждение справедливо, то следует признать, что язык науки имеет не только понятийный компонент, но и компонент допонятийный. При этом, как представляется, для исследования уровней языка науки имеет смысл использовать следующую синхронистскую концепцию эпистемологической направленности.

Согласно этой концепции, в мышлении человека наблюдается суперпозиция трех типов мышления: *ситуативного, образного и понятийного*. Каждый из них связан со своим специфическим типом языка (рис. 2).

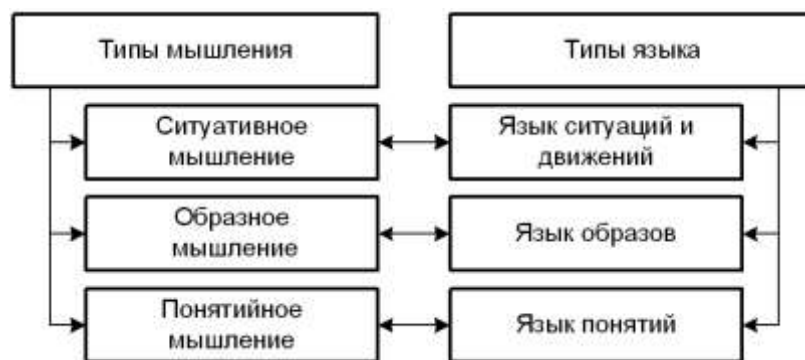

Рис. 2. Типы мышления и типы языка

Каждый из этих типов языка оказывает влияние на мышление и познавательные процессы. Каждый из типов мышления и языка представлен в любом типе познания, включая науку, хотя степень влияния каждого из этих типов мышления и языка в разных типах познания, вообще говоря, существенно различается. Так, основу искусства составляет образное мышление, искусство активно использует язык образов, а основу науки составляет понятийное мышление, наука использует понятийный язык.

Каждый из трех рассматриваемых языков предполагает некий специфический элемент, составляющий его основу (рис. 3). При этом между базовыми элементами трех рассматриваемых языков, – *ситуациями*, *образами* и *понятиями*, – имеется некоторая структурно-генетическая связь. В самых общих чертах ее суть можно попытаться продемонстрировать с помощью следующего примера.

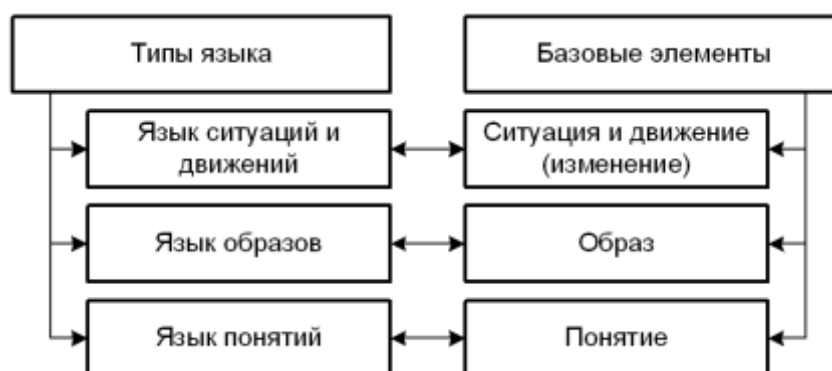

Рис. 3. Типы языка и их базовые элементы

Как известно, И. Ньютон оказался участником ситуации, в которой произошло случайное событие – падение яблока с ветви дерева. Случившееся

породило в сознании И. Ньютона некий образ (или систему образов), который с течением времени (по мере развития физики) был превращен в более или менее строгое понятие гравитации. Если говорить с определенной долей условности, то *ситуации*, которые человек наблюдает или в которых он находится, принимает вольное или невольное участие, провоцируют возникновение в его сознании *образов*, посредством которых он схватывает соответствующие ситуации. В ходе мыслительной деятельности (в том числе коллективной) соответствующие *образы* постепенно преобразуются в *понятия*. В любом случае, можно предположить, что за понятиями всегда таятся некоторые *ситуации* и *образы*, точнее – множества ситуаций и образов. Понятия призваны обобщить некое многообразие реальных и возможных ситуаций и придать схватывающим их образам абстрактный и обобщенный характер.

Связь между ситуациями, образами и понятиями можно отразить с помощью условной схемы, представленной на рис. 4. По сути, речь идет о некоторой схеме формирования понятий.

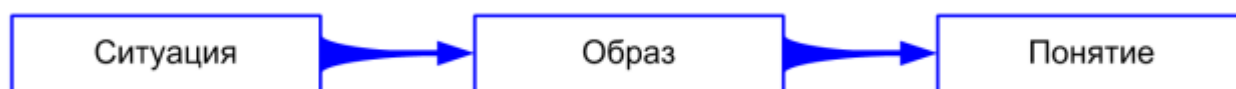

Рис. 4. Схема формирования понятия

В конечном счете, через призму рассматриваемой нами концепции можно говорить о трех уровнях языка науки: уровне ситуаций, уровне образов и уровне понятий.

Если с отнесением образов и понятий к языку трудностей не возникает, то отнесение к нему ситуаций требует некоторого обсуждения. Мы в данном случае исходим из двух позиций, во-первых, из идеи взаимосвязи мышления и языка, а, во-вторых, из свойственной аналитической философии идеи взаимосвязи реальности и языка. Ситуативное мышление связано с процессом оперативного реагирования на конкретные ситуации, конкретные положения вещей, и имеет своим следствием конкретные действия, нацеленные на развитие ситуации в том или ином русле. И положения вещей, и действия, так или иначе ими обусловленные, являют собой некий текст, сформированный на

некотором языке и, вообще говоря, подлежащий дешифровке. В силу этого мы предполагаем существование в языке науки уровня ситуаций.

Гипотетически говоря, помимо трех названных нами уровней языка науки можно выделить некоторые другие уровни, занимающие своего рода промежуточное положение между основными уровнями. Так, в языке науки может быть обнаружен уровень концептов, который в первом приближении имеет смысл рассматривать в качестве уровня, занимающего некое промежуточное положение между уровнем образов и уровнем понятий. В любом случае, одна из трактовок феномена концепта предполагает, что *концепт* может трактоваться как протопонятие, как своего рода становящееся понятие, предполагающее собой постепенное (еще не завершённое) превращение образа или некоторой системы образов в понятие.

Допустимость предположения о существовании концептного уровня языка науки, на наш взгляд, обусловлена следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, признанием факта существования в языке науки как субстанционального, так и процессуального измерений, как понятийного, так и допонятийного компонентов, а во-вторых, тем, что наличие некоей связи между образным и понятийным уровнями языка науки подталкивает к тому, чтобы увидеть за этими уровнями некий промежуточный уровень, предполагающий суперпозицию понятийного и допонятийного содержания. Концепт – это репрезентатор именно этого содержания, в какой-то мере переходное звено между образом и понятием.

В обсуждение может быть введен еще один «суперпозиционный» уровень языка науки – уровень, в котором объединяются, прежде всего, ситуативное и образное содержание. В качестве значимого проявления этого промежуточного уровня можно усмотреть такой специфический феномен языка научного познания, как визуальный (графический) язык. В свою очередь, к некоторым типам последнего могут быть отнесены такие феномены, как язык визуализации данных, язык визуализации информации и язык визуализации знаний. При всей сложности четкого разграничения только что названных

языков, отметим, что примером первого языка служат графики (скажем, эпюры в строительной механике) и диаграммы; примером второго языка – чертежи, принципиальные и монтажные электрические схемы; примером третьего языка – отражающие и структурирующие массивы знаний схемы.

Каждый из обозначенных уровней языка науки (рис. 5) может выступать в роли самостоятельного объекта исследования. В реферируемом диссертационном исследовании основное внимание сконцентрировано на концептном уровне языка науки, то есть уровне функционирования концептов, однако для более глубокого осмысления этот уровень рассмотрен в некотором сравнении с понятийным уровнем языка науки.

Рис. 5. Уровни языка науки

Широко распространена позиция, согласно которой базовым элементом языка науки является понятие. Именно с помощью кодируемых некоторыми терминами понятий формулируются научные теории и составляющие их утверждения. Вместе с тем, предложенные нами рассуждения указывают на то, что к понятийному уровню язык науки не сводится.

Как известно, классическая теория понятий восходит к Аристотелю. Основным способом формулирования понятия в ней является определение через род и видовое отличие. Аристотелевская теория понятий стала исходным пунктом для развития формально-логической трактовки феномена понятия; кульминацией этой трактовки явились исследования Г. Фреге. Вместе с тем,

произошедшее в XX веке развитие эпистемологии существенным образом трансформировало представления о понятии, сместив акценты в интерпретации данного феномена с формального подхода на неформальный. В этой связи следует указать на исследования Л. Витгенштейна, Л. Заде, Э. Рош, по большому счету, расширивших семантику термина «понятие».

Классическая теория понятий при всей ее формальности и строгости оказалась чересчур упрощенной, что послужило основанием для ее трансформации. Вместе с тем, развитие науки и философии продемонстрировало, что можно не только пересматривать представления о понятии и соответственно трансформировать семантику термина «понятие», но и предполагать, что в языке науки наравне с понятиями (если говорить точнее, то на другом уровне языка науки) функционируют некие иные семантические образования. Исследования роли метафор и образов в научном познании в определенной мере продемонстрировали эвристичность подобного подхода.

В современном научном знании концепт стал ключевым объектом большого числа дисциплин. Во многих из них он продемонстрировал высокий эвристический и аналитический потенциал. Хорошо известно значение концептов для философии. Так, Ж. Делёз и Ф. Гваттари трактовали философию как своего рода «творчество концептов».

Несмотря на то, что Ж. Делёз и Ф. Гваттари не были склонны к тому, чтобы связывать концепты с научным познанием, с нашей точки зрения, есть основания к постановке вопроса о присутствии концептов в языке науки (пусть даже концепты будут пониматься иначе, нежели они понимались Ж. Делёзом и Ф. Гваттари).

Таким образом, проблемная ситуация реферируемого исследования была увязана с несводимостью языка науки исключительно к понятиям и понятийному вообще, а также с вытекающей из этой несводимости идеей обнаружения и рассмотрения концептного уровня языка науки. Иными словами, модель концепта в контексте анализа языка науки была применена наряду с моделью понятия.

Проблема исследования была сформулирована с помощью следующего вопроса: можно ли рассматривать язык науки как средство познания и коммуникации, носителем смысла в котором является не только понятие, но и концепт? Актуальность постановки подобного вопроса обусловлена значимым для современной эпистемологии вопросом о том, что является медиумом мысли (транслятором смысла) – *образ, слово* или *понятие*¹. Кроме того, можно предположить, что рассмотрение концептного уровня языка науки способно существенным образом развить представления о языке науки.

В этом смысле реферируемое исследование носило поисковый (разведывательный) характер; в частности, в нем была предпринята попытка обнаружить в языке науки концепты или, по крайней мере, некие эпистемические объекты, которые могут быть описаны (смоделированы) с помощью модели концепта.

Степень разработанности темы. В эпистемологическом контексте феномен понятия осмыслен в сочинениях таких авторов, как Аристотель, Г. Фреге, Э. Кассирер, Е.К. Войшвилло². Вместе с тем, помимо представленной в их трудах классической теории понятия (в различных её вариациях), сложился ряд подходов, во многом пересматривающих классические представления о понятии:

- теория «семейных сходств» Л. Витгенштейна, на которой, в свою очередь, базируются представления о кластерном понятии³;
- теория нечетких множеств Л. Заде⁴;

---

¹ Weiskopf D.A. Words, Images and Concepts // Analysis Reviews. – 2015. – Vol. 75. – № 1. – P. 99.

² Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.; Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.; Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.; Кассирер Э. Познание и действительность. – М.: Юрайт, 2018. – 331 с.; Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – 239 с.

³ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 265–267; Оглезнев В.В. Проблемы определения кластерных понятий // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 51. – С. 70–78.

- прототипическая теория понятий (Э. Рош, Дж. Лакофф)⁵;
- «theory-theory» (А. Гопник, D.A. Weiskopf)⁶.

Значимые исследования научного понятия и языка науки вообще были проведены в рамках аналитической философии К. Айдукевичем, Р. Карнапом, У. Куайном, О. Нейратом, Х. Патнэмом, Б. Расселом, Г. Фреге⁷.

Следует обратить внимание на исследования в области истории конкретных научных понятий, проведенные Д. Блуром, М. Джеммером, А.А. Печенкиным, Г.П. Щедровицким⁸. Один из выводов, который можно сделать в этой связи, состоит в том, что научные понятия историчны, то есть развиваются с течением времени, в силу чего у разных авторов, в разных теориях и в разные исторические эпохи можно наблюдать различающиеся понятия казалось бы одних и тех же объектов (пространства, силы, массы, скорости, числа, вероятности и т.д. и т.п.).

⁴ Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976. – 165 с.; Заде Л.А. Нечеткие множества // Нечеткие системы и мягкие вычисления. – 2015. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 7–22.

⁵ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

⁶ Gopnik A. The scientist as child // *Philosophy of Science*. – 1996. – Vol. 63. – P. 485–514; Gopnik A., Wellman H.M. Reconstructing Constructivism: Causal Models, Bayesian Learning Mechanisms, and the Theory Theory // *Psychological Bulletin*. – 2012. – Vol. 138. – № 6. – P. 1085–1108; Weiskopf D.A. Words, Images and Concepts // *Analysis Reviews*. – 2015. – Vol. 75. – № 1. – P. 99–109.

⁷ Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // *Философия науки*. – 1996. – Т. 2. – № 1. – С. 231–253; Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М., 1959. – 380 с.; Карнап Р. Психология на языке физики // *Философские науки*. – 2013. – № 1. – С. 126–146; Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – 386 с.; Нейрат О. Протокольные предложения // *Эпистемология и философия науки*. – 2005. – Т. VI. – № 4. – С. 226–234; Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. *Философия сознания*. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–235; Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении // Патнэм Х. *Философия сознания*. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 146–163; Рассел Б. Основания математики. Приложение В. Теория типов // *Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология*. – 2008. – № 1 (2). – С. 123–129; Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. – К.: Ника-Центр, 1997. – 560 с.; Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.

⁸ Блур Д. Глава 6. Возможна ли альтернативная математика // *Социология власти*. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 150–177; Джеммер М. Понятие массы в классической и современной физике. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 252 с.; Печенкин А.А. Понятие вероятности в математике и физике (дискуссии 1920–30-х гг. в СССР) // *Эпистемология и философия науки*. – 2019. – Т. 56. – № 3. – С. 202–218; Щедровицкий Г.П. О некоторых моментах в развитии понятий // Щедровицкий Г.П. *Избранные труды*. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 577–589.

Интерес в контексте проведенного исследования представляют некоторые идеи В.С. Готта⁹ и В.В. Налимова¹⁰.

В одной из сфер внимания В.С. Готта находились общенаучные понятия, например такие как линейность и нелинейность, локальность и нелокальность, симметрия и асимметрия. Общенаучные понятия трактовались как понятия, которые занимают промежуточное положение между философскими понятиями и понятиями конкретных наук, выполняя, в конечном итоге, роль коммуникатора между философией и наукой, роль своего рода интерфейса.

В свою очередь, В.В. Налимов рассматривал понятия науки в качестве метафор и семантически размытых объектов, смысл которых далеко не всегда очевиден и однозначен. Для описания эффекта размытости концептуального пространства В.В. Налимов использовал эвристический потенциал известной из теории вероятностей теоремы Т. Байеса. В каких-то отношениях теория В.В. Налимова по своему духу близка теории лингвистической переменной Л. Заде, а также вырастающей из исследований Л. Заде нечеткой логике.

В.В. Налимов пришел к выводу о противостоянии двух подходов в познании языка: в первом язык рассматривается как жесткая структура, как структура, предполагающая жесткую связь означаемого и означающего, во втором – как некая «мягкая» структура, связь между означаемым и означающим в которой относится к разряду сложных и неочевидных.

Сложилось множество различных трактовок феномена концепта. Существенный интерес представляют следующие трактовки:

- *неопозитивистская* (представлена трудами Г. Фреге, А. Чёрча, Р. Карнапа и ориентирует на то, чтобы понимать концепт в качестве интенциональной характеристики понятия);

---

⁹ Готт В.С. Диалектическое единство линейности и нелинейности // Неизбежность нелинейного мира: к 100-летию со дня рождения В. С. Готта: приложение к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 415–436; Готт В.С., Ключарев Г.А. Понятийное мышление и становление единой науки о человеке // Неизбежность нелинейного мира: к 100-летию со дня рождения В. С. Готта: приложение к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 298–320.

¹⁰ Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – 260 с.; Налимов В.В. Язык науки // Развитие личности. – 2008. – № 1. – С. 186–212.

- *лингвофилософская* (представлена трудами Л. Витгенштейна, У. Куайна, Дж. Мура, Г. Райла, П. Стросона и связывает концепт с проблемой концептуального анализа и феноменом концептуального каркаса);

- *постструктуралистская* (Р. Барт, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, М. Фуко);

- *лингвокультурологическая* (А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов).

Заслуживают внимания исследования концепта, проведенные Л.А. Микешиной, С.С. Неретиной и Ю.С. Степановым¹¹ и сложившиеся в их работах авторские трактовки данного феномена. Кроме того, интерес представляют исследования феномена концепта, осуществленные в сочинениях С.А. Аскольдова, Е.В. Биричевой, С.Г. Воркачева, В.З. Демьянкова, С.И. Масаловой, Ю.В. Суржанской, А.А. Филатовой¹².

Несмотря на обилие работ, в которых исследуется феномен концепта, в том числе в контексте задач эпистемологии и смежных с ней отраслей познания, представляется, что концептный уровень языка науки в настоящий момент в полной мере не исследован и в силу этого теоретические представления о нем нуждаются в планомерном и всестороннем развитии.

Объект и предмет диссертационного исследования. В качестве объекта исследования был принят язык науки, а в качестве предмета – концептный уровень языка науки.

---

¹¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.; Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. – М.: Гнозис, 1994. – 216 с.; Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – 275 с.; Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

¹² Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь / под ред. Л.В. Щербы. – Вып. II. – Л.: Academia, 1928. – С. 28–44; Биричева Е.В. Концепт «субъекта» в пространстве неклассической онтологии. – Екатеринбург: Изд. Дом «Ажур», 2012. – 122 с.; Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.; Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47; Масалова С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: Трансформация от античности до Нового времени: автореф. ... д-ра филос. наук: 19.00.08. – Ростов-на-Дону, 2007. – 47 с.; Суржанская Ю.В. Проблема соотношения концепта и понятия в философском и научном мышлении: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Томск, 2012. – 24 с.; Филатова А.А. Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход): автореф. ... канд. филос. наук: 24.00.01, 09.00.01. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.

Цели и задачи диссертационного исследования. Цель диссертации – разработать подход к исследованию концептов языка науки.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть язык науки с позиций эпистемологии;
2. Провести анализ основных теорий понятия;
3. Выявить и охарактеризовать сущностные свойства концепта; проанализировать основные подходы к пониманию данного феномена;
4. Исследовать концептный уровень языка науки, то есть уровень языка науки, основными носителями смысла на котором служат концепты;
5. На материале космографии А. Гумбольдта и «учения о цвете» И.В. Гёте проанализировать конкретные концепты языка науки.

Гипотеза исследования. В языке науки существует уровень, основным носителем смысла на котором являются концепты (а не понятия).

Научная новизна исследования состоит в том, что:

1. Обоснована возможность рассмотрения понятия концепта как *кластерного* понятия. Данное решение обусловлено, в частности, тем, что в настоящее время с понятием концепта связывается множество разнообразных трактовок феномена концепта и ему на современном этапе развития научно-философского знания невозможно приписать свойство, общее для всех подводимых под понятие концепта объектов.

2. Понятие концепта применено к анализу языка науки, прежде всего естествознания, в частности для исследования семантики таких терминов, как «Космос» в теории А. Гумбольдта и «цвет» в теории И.В. Гёте.

3. Язык науки рассмотрен как средство познания и коммуникации, одним из носителей смысла в котором является концепт.

4. Предложен подход к исследованию концептов языка науки.

Основные источники исследования. В качестве основных источников исследования выступили:

- исследования концептов, проведенные С.А. Аскольдовым, Е.В. Биричевой, С.Г. Воркачевым, Л.А. Микешиной, Д.С. Лихачевым, С.С. Неретиной, Ю.С. Степановым, Ю.В. Суржанской, А.А. Филатовой;
- исследования, выполненные в русле аналитической философии (Л. Витгенштейн, У. Куайн, Х. Патнэм, Б. Рассел);
- работы по эпистемологии и философии науки, написанные западными авторами (Д. Блур, Т. Кун, И. Лакатос, Б. Латур, К. Поппер, У. Хьюэлл);
- труды по эпистемологии и философии науки отечественных авторов (А.Ю. Антоновский, В.И. Аршинов, С.М. Гавриленко, Д.Э. Гаспарян, И.Н. Грифцова, Ю.В. Ивлев, И.Т. Касавин, Л.П. Киященко, В.А. Лекторский, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешина, А.А. Печенкин, В.М. Розин, Г.В. Сорина);
- сочинения философов–постмодернистов Ф. Гваттари и Ж. Делёза;
- некоторые сочинения А. Гумбольдта и И.В. Гёте, а также исследования их научных идей.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется ее научной новизной, а также междисциплинарным характером проведенного исследования. Результаты, полученные в диссертации, могут применяться:

- в дальнейших исследованиях языка науки;
- в преподавании философии науки, а также различных специальных и элективных курсов для студентов, магистрантов и аспирантов;
- в процессе подготовки учебных изданий по философско-методологическим курсам.

Кроме того, полученные результаты могут быть полезны в ходе проведения исследований и при разработке учебных курсов в области теоретической лингвистики.

Методология и методы исследования. Ключевую роль в исследовании исполняет генетически-конструктивный метод. Кроме того, применялись такие методы исследования, как анализ и синтез, историко-философская реконструкция и сравнительный метод.

При обсуждении теоретико-методологических принципов и источников, положенных в основание диссертационного исследования, следует указать на его междисциплинарный характер. В силу этого при решении поставленных задач приходилось обращаться к сочинениям не только философов, но и филологов и культурологов, а также представителей иных областей научного знания. Исследование базируется на принципах междисциплинарности и дополнительности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Помимо понятийного уровня в языке науки обнаруживается уровень концептов. Под концептами при этом имеет смысл понимать подобные понятиям инструменты познания, которые в отличие от понятий предполагают наличие не только понятийного, но и некоего внепонятийного (допонятийного и/или надпонятийного) содержания. Вследствие этого концепты как специфические эпистемические объекты языка науки несут в нем иную семантическую нагрузку, нежели несут понятия.

2. Для анализа семантики терминов языка науки эвристичными оказываются следующие трактовки феномена концепта:

- *эквивокалистская* (концепт как эпистемический объект, сочетающий в своей семантике трансцендентный и имманентный смыслы, например адресацию в своей семантике к общему и частному одновременно);

- *эмотивистская* (концепт как эпистемический объект, который является не только средством мышления, но и средством выражения некоторого переживания, стимулирует активность не только мыслительную, но и эмоциональную);

- *имагинистская* (концепт как своего рода словообраз, эпистемический объект, не доведенный до состояния абстрактного понятия и в силу этого предполагающий наличие существенного образного компонента);

- *лингвофилософская* (концепт как репрезентатор метафизического содержания языка и мышления, как средство трансляции метафизического содержания научной теории).

Согласно этим трактовкам, концепт в отличие от понятия предполагает наличие у него как у эпистемического объекта некоего эмоционального, образного, субъективного и метафизического содержания.

3. В современном научном и философском знании понятие концепта носит комплексный и кластерный характер. Комплексность этого понятия проявляется в сочетании концептом объективного и субъективного содержания, понятийного и внепонятийного компонентов, например образного, эмоционального, метафизического в том или ином его понимании. Кластерный характер понятия концепта проявляет себя в том, что в науке и философии к настоящему времени сформировано множество разнообразных трактовок феномена концепта, многообразие этих трактовок и отсутствие некоего общего для всех них предиката заставляет рассматривать понятие концепта в качестве кластерного понятия, то есть понятия, подчиняющегося теории «семейных сходств» Л. Витгенштейна. При этом описываемое положение вещей не следует трактовать в том смысле, что концепт является кластерным понятием; в данном случае кластерным понятием является понятие концепта, но не сам концепт.

4. Концепт, рассматриваемый как элемент языка науки, в отличие от понятия позволяет более гибко учитывать влияние на познавательные процессы и на оперирование языком факторов социального, культурного и духовного характера. В этой связи концепт можно рассматривать не только как инструмент познания, но и как модель, позволяющую подвергать язык науки и познавательный процесс социально-эпистемологическому исследованию, в частности подвергать анализу социально-культурные факторы, оказывающие влияние на функционирование языка и процессы научного познания.

5. Термины языка науки иногда кодируют собой эпистемические объекты, которые являются концептами или, во всяком случае, могут быть смоделированы как концепты. Примерами концептов языка науки можно считать концепт Космоса в исследованиях А. Гумбольдта и концепт цвета в исследованиях И.В. Гёте.

6. Гётево представление о цвете обусловлено принятой И.В. Гёте метафизикой и в существенной мере является средством репрезентации и трансляции этой метафизики, то есть по существу является концептом. Данный концепт позволил И.В. Гёте преодолеть предметные рамки сугубо физического взгляда на природу цвета и тем самым не только расширить рамки предметной концептуализации данного феномена, но и сформировать новые предметно-дисциплинарные контексты для исследования существа феномена цвета.

7. В научном дискурсе А. Гумбольдта термином «Kosmos» обозначается особый эпистемический объект, который, по сути, является концептом. Концептный характер этого эпистемического объекта обусловлен следующими обстоятельствами:

- эквивокалистским характером представлений А. Гумбольдта о Космосе, предполагающим, в частности, методологическую ориентацию исследователя на преодоление дуализма общего и частного, универсального и особенного, причем соответствующий дуализм трактуется как в онтологическом, так и в эпистемологическом ключе;

- эмоциональной насыщенностью и эстетической окрашенностью обсуждаемого эпистемического объекта;

- присутствием в нем образного (в том числе образно-художественного) компонента;

- исполнением соответствующим эпистемическим объектом функции репрезентации и трансляции метафизического содержания научной теории.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. Основные положения диссертационного исследования отражены в 28 научных работах общим объемом 53,62 п.л. (с учетом долевого участия – 33,61 п.л.), в том числе 3 монографиях и 11 статьях, опубликованных в периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК, и/или наукометрические базы Web of Science и/или Scopus.

Основные положения исследования были апробированы в форме докладов на следующих научных конференциях: «Интерактивный космос “Россия – Европа”». Александр и Вильгельм фон Гумбольдты для современной России» (Москва, 2019); «Философия: традиции и инновации» (PTICONF 2019); «Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении» (Брянск, 2015, 2016, 2019); «Новые горизонты» (Брянск, 2019, 2021).

Структура диссертации определяется ее целью и решаемыми в ней задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка рисунков, списка таблиц.

Диссертация представлена на 262 страницах печатного текста. Текст включает семь таблиц и семь рисунков. Список литературы состоит из 530 библиографических описаний.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** характеризуются актуальность темы, степень ее разработанности, источники, методы и теоретические принципы исследования.

Глава 1. «Язык науки. Понятийный уровень языка науки»

В п. 1.1 язык науки рассматривается как средство познания и коммуникации, которое позволяет формулировать и разрешать научные проблемы, а также осуществлять профессиональную коммуникацию в научном сообществе и за его пределами.

Отмечается, что язык науки порожден сложным симбиозом противоположных методологических установок, в том числе познавательной и коммуникативной, а также объективистской и субъективистской. В силу этого составляющие язык науки эпистемические объекты следует оценивать не только с точки зрения их познавательных возможностей и так или иначе трактуемой истинности, но и с точки зрения их коммуникативного потенциала и в какой-то мере их субъективного характера. Однако, для того, чтобы в

полной мере реализовать такой подход имеет смысл исследовать в языке науки не только понятия, но и ввести в рассмотрение феномен концепта. В качестве основания для такого введения можно принять сложившееся в российской философии противопоставление понятия и концепта, предполагающее, что понятие ориентировано познающим субъектом на объективное отражение действительности, а концепт, напротив, в большей мере (нежели понятие) обусловлен духовным миром познающего субъекта, то есть в большей степени зависит от субъективной реальности, и в существенной мере определяется процессами реальной коммуникации (речи, диалога, дискуссии и т.п.).

В п. 1.2 язык науки рассматривается в контексте противопоставления методологических установок репрезентативизма и антирепрезентативизма. Отмечается, что реальные понятия науки и реальные знаки вообще сочетают в себе референцию и симуляцию, реализуя тем самым дополняющие друг друга установки репрезентативизма и антирепрезентативизма, реализма и конструктивизма. Подобное положение вещей придает понятиям науки гибкость, эвристичность, эпистемическую продуктивность.

В п. 1.3 язык науки рассматривается как симбиоз естественного и искусственного языков. Отмечается, что устранить влияние естественного языка на язык познания не удалось даже в рамках логического позитивизма; попытки построения идеального языка вне опоры на естественный язык потерпели поражение. В этой связи можно заключить, что составляющие язык науки эпистемические объекты (в том числе понятия) нельзя считать абсолютно искусственными и функционирующими в полном соответствии с законами формальной логики. Так или иначе, но на научные понятия свой отпечаток накладывает неустранимая метафизичность языка и его зависимость от естественного языка. В этой связи обращение к феномену концепта приобретает дополнительный смысл, ибо концепт (в отличие от понятия) ставится в зависимость от норм формальной логики и иных искусственных языков значительно меньше.

В п. 1.4 рассматривается классическая теория понятия. Обсуждается использование в науке высокоабстрактных понятий. Осмысливается феномен изменчивости реальных научных понятий и отмечается, что понятия науки не только изменяются во времени, но и нередко конкурируют между собой.

П. 1.5 посвящен выдвинутой Л.Витгенштейном теории «семейных сходств» и основывающимся на ней представлениям о кластерном понятии. Отмечается, что под кластерное понятие попадают конкретные объекты, но при этом такое понятие не предполагает ни одного общего для всех подпадающих под него объектов свойства.

Теория «семейных сходств» Л.Витгенштейна существенным образом расширила понимание феномена понятия. Если в классической теории понятий считалось, что логическое понятие характеризует нечто *общее*, присущее всем подпадающим под понятие объектам и только им, и при этом, как настаивал Г.Фреге, отличается четкостью границ своего объема (то есть о каждом объекте можно определенно сказать, подпадает он под понятие или нет), то Л.Витгенштейн обе эти позиции подверг критике. Во-первых, общего, присущего подпадающим под понятие объектам и только им, в принципе, у многих понятий не существует. Во-вторых, границы объема понятия в общем случае не могут быть проведены четко.

Отмечается, что в общем случае возможны понятия не только с ненулевыми объемом и содержанием, но и с нулевыми. Говоря другими словами, интенционал понятия и его экстенционал могут иметь как ненулевые, так и нулевые значения.

В п. 1.6 находят обсуждение основные направления поствитгенштейновского учения о понятии. Отмечается, что в XX веке неудовлетворительность классического учения о понятии была плодотворно осмыслена, в частности, был предложен целый ряд теорий и моделей, серьезно развивших сложившиеся в науке и философии представления о понятиях. Благодаря этому можно заключить, что реальные научные понятия устроены достаточно сложно, и применительно к их описанию классическая теория

понятий может рассматриваться в качестве результата достаточно сильного упрощения.

В качестве основных теорий, составляющих учение о понятии после Л.Витгенштейна, рассмотрены такие теории, как теория нечетких множеств Л.Заде, «theory-theory», прототипическая и атомистическая теории понятий.

В п. 1.7 предпринята попытка продемонстрировать, что реальные научные понятия отражают не только объективные положения вещей, но и наши субъективные представления об этих положениях, и тем самым являются переплетениями объективной и субъективной реальностей, то есть в некотором смысле носят комплексный (объективно-субъективный) характер.

Глава 2. «Концепт как элемент языка и как инструмент познания»

Если в первой главе основное внимание уделено феномену понятия, то во второй – феномену концепта. Актуальность такого смещения фокуса исследовательского внимания обусловлена тем обстоятельством, что можно не только трансформировать наши представления о понятиях, предлагать альтернативные модели и теории, описывающие феномен понятия, но и рассматривать эпистемические объекты, кодируемые терминами науки, не как понятия (или не только как понятия), но как концепты, то есть моделировать в качестве концептов.

В п. 2.1 предпринимается попытка рассмотреть феномен концепта в контексте спора об универсалиях, оказавшего значительное влияние на развитие философии Средних веков и в какой-то мере более поздних эпох. Отмечается актуальность идеи концепта для задач современной эпистемологии.

В п. 2.2 рассматривается процесс оттеснения идеи концепта на периферию философского внимания, начавшийся, по всей видимости, еще в Средние века и определенно проявивший себя в Новое и Новейшее время, например в связи с развитием позитивизма и неопозитивизма. Вместе с тем, как указывается, ситуация определенным образом стала меняться в XX веке, в результате чего к концу XX столетия в науке и философии сложилось несколько вполне развитых вариантов учения о концепте, а термин «концепт» стал одним из активно

употребляемых в интеллектуальной литературе. При этом необходимо возникает вопрос о том, насколько сложившиеся к настоящему времени трактовки феномена концепта соответствуют тому его пониманию, которое было свойственно средневековой философии. Судя по всему, следует признать, что семантика термина «концепт» за истекшие с тех пор века претерпела существенные изменения, а сам он приобрел новые смыслы и значения.

В п. 2.3 рассматриваются три трактовки феномена концепта, предложенные тремя отечественными мыслителями: С.А. Аскольдовым, Ю.С. Степановым и Д.С. Лихачевым. Отмечается, что в их сочинениях формировались лингвокультурологическая и лингвокогнитологическая трактовки феномена концепта.

В п. 2.4 обсуждается трактовка феномена концепта, которую можно обнаружить в постструктуралистской философии. Отмечается, что для Ж. Делеза и Ф. Гваттари концепт индивидуален, многомерен, ризоматичен, лишен способности функционировать в каком-то определенном дискурсе. Указанные авторы полагали, что понятия и оперирующая ими наука функционируют в режиме порядка (устойчивости), тогда как концепты и оперирующая ими философия – в режиме хаоса (неустойчивости). В принципе, в творчестве Ж. Делёза и Ф. Гваттари предьявлена и та позиция, согласно которой понятия характеризуют ставшее знание, тогда как концепты – знание становящееся; недаром концепт этими авторами сам по себе связывался со становлением. Концепты никогда не являются ставшими, завершенными и окончательными; они всегда находятся в состоянии становления, в том числе в стадии реактуализации и реинтерпретации.

В п. 2.5 рассматриваются особенности трактовок феномена концепта, сложившиеся в таких науках, научных дисциплинах и направлениях, как когнитивистика, лингвистика, лингвокультурология, политология, социология и маркетинг. Как можно заключить из изложенного в диссертации материала, концепт в различных отраслях научного знания связывается с языком, сознанием, психикой, культурой и т.п. Вместе с тем, насколько можно судить,

даже в отдельных отраслях современного научного знания единого понимания феномена концепта нередко не существует; в современной науке, по большому счету, наличествует *сеть* различных пониманий феномена концепта, а само понятие концепта в науке (как, впрочем, и в философии) оказывается кластерным, своего рода «сетевым».

Феномен концепта приобрел широкое распространение в социально-гуманитарном знании. В разных науках понятие концепта приобрело различные смыслы и значения, оказалось по-разному нагружено каким-то специфическим массивом смысла. В силу «прозрачности» границ между научными дисциплинами все это обеспечило термину «концепт» полифоничность, а также разнообразие и гибкость способов его употребления.

Вместе с тем, широкое распространение идеи концепта во множестве научных дисциплин привело к тому, что в науке и философии термин «концепт» в силу его интенсивного тиражирования стал утрачивать смысловую определенность, а его смысл стал девальвироваться. В какой-то мере это свидетельствует о нарастании кризисных тенденций в «концептологических» дисциплинах и вместе с тем повышает актуальность осмысления феномена концепта именно с философско-методологических позиций, чему отчасти и посвящено реферируемое исследование.

Понятие концепта оказалось эвристичным. Во многом его эвристический потенциал обусловлен тем, что оно позволяет анализировать язык и конкретные языки (национальные, профессиональные, научные и т.п.), а также многие иные связанные с языком феномены (культуру, идеологию и т.п.), отвлекаясь при этом от принятого в классической логике значения термина «понятие». Научное знание пошло по пути построения альтернативного понятию объекта – концепта, причем в каждой науке этот объект наделяется своим смыслом. В итоге понятие концепта в современном научно-философском знании оказалось кластерным понятием.

В п. 2.6 предпринимается попытка сформулировать четыре трактовки феномена концепта, актуальные в контексте задач социальной эпистемологии.

В качестве таковых предлагается рассмотреть трактовки, которые можно сформулировать на основе осмысления сочинений таких авторов, как С.С. Неретина, Ю.С. Степанов, Л.А. Микешина, а также сочинений, относящихся к аналитической философии.

Кратко охарактеризуем соответствующие трактовки.

Эквивокалистская трактовка фиксирует внимание на рассмотрении концепта как эквивокального эпистемического образования; такое образование предполагает ситуацию, при которой «сквозь одно слово сияют разные его смыслы: священный и буквальный»¹³, трансцендентное и имманентное в их разнообразных проявлениях. Благодаря этому в несколько ином эпистемологическом аспекте концепт позволяет усматривать всеобщее в частном, иносказательное – в буквальном, и наоборот.

Эмотивистская трактовка акцентирует внимание на том, что концепт являет собой вызывающее эмоции эпистемическое образование. В рамках этой трактовки принципиальным является восходящее к Ю.С. Степанову представление, согласно которому понятия связываются с мышлением, а концепты – еще и с переживаниями. Проще говоря, понятия и концепты мыслятся, но концепты – еще и переживаются.

Имагинистская трактовка предлагает понимать под концептом словообраз, то есть эпистемическое образование, которое не доведено до кондиции абстрактного понятия. Именно с концептом приходится иметь дело познающему субъекту в условиях постепенного превращения образа в понятие. Благодаря связанному с концептом переходу от образного представления смысла к понятийному свойству концепта являют собой суперпозицию некоторых свойств образа и некоторых свойств понятия.

Лингвофилософская трактовка интерпретирует концепт как элемент концептуального каркаса языка и мышления, по сути, рассматривает концепт как репрезентатор их метафизического содержания.

---

¹³ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 81.

В современном научном и философском знании понятие концепта носит комплексный и кластерный характер. Комплексность этого понятия проявляется в сочетании концептом объективного и субъективного содержания, понятийного и внепонятийного компонентов, например образного и эмоционального, а также метафизического в том или ином его понимании. Кластерный характер понятия концепта проявляет себя в том, что в интеллектуальном пространстве современности сложилось множество разнообразных трактовок феномена концепта, многообразие этих трактовок и отсутствие некоего общего для всех выявляемых ими концептов предиката заставляет рассматривать понятие концепта (но не сам концепт) в качестве кластерного понятия.

Глава 3. «Концепты в языке науки»

В третьей главе предпринимается попытка применить теорию концепта к анализу семантики двух конкретных терминов языка науки, оказавших существенное влияние на развитие научного знания.

В п. 3.1 предпринимается попытка приложить к концепту Космоса в научном дискурсе А. фон Гумбольдта различные трактовки феномена концепта. По результатам анализа отмечается, что в научном дискурсе А. Гумбольдта термином «Kosmos» обозначен эпистемический объект, который, по сути, является концептом. Концептный характер этого объекта обусловлен следующими обстоятельствами:

- эквивокальным характером представлений А. Гумбольдта о Космосе, что, в частности, предполагает ориентацию познающего субъекта на преодоление дуализма общего и частного, на совмещение видения единого и многого, уникального и универсального;
- эмоциональной окрашенностью и эстетической насыщенностью обсуждаемого эпистемического объекта;
- присутствием в нем существенного образного компонента;
- выполнением соответствующим эпистемическим объектом функций репрезентации и трансляции метафизического содержания научной теории.

В п. 3.2 в фокусе внимания оказывается понятие цвета, особенно в связи с хроматикой И.В. Гёте. Отмечается, что гётево понятие цвета в методолого-дисциплинарном плане имеет некую противоречивую дискретно-континуальную семантику. Благодаря этому у Гёте одни дисциплинарные «смыслы» понятия цвета перетекают в другие и тем самым обеспечивают познающему субъекту возможность вовлекать понятие цвета в разные дисциплинарные дискурсы, а порой и создавать принципиально новые дисциплинарные дискурсы.

В силу сложности и нелинейности семантики разработанного Гёте понятия цвета можно говорить, что он реально имеет дело не просто с понятием, но с концептом. В пользу этого свидетельствует то, что при оперировании сложным эпистемическим объектом, поименованным термином «цвет» («Farbe») у Гёте:

- происходит выход за рамки одного дисциплинарного дискурса и осуществляется проектирование новых дисциплинарных дискурсов;
- задействуется некий образный потенциал;
- в научный дискурс в качестве активного начала познающим субъектом вовлекается принятая им метафизика.

Основное же состоит, пожалуй, в том, что гётево понятие цвета построено таким образом, что в нем присутствуют и актуализируются разные смыслы; эти смыслы образуют сложную систему, определенным образом связаны между собой и перетекают друг в друга. По всей видимости, в данном случае мы сталкиваемся не просто с понятием цвета, а именно с концептом цвета. В пользу этого также свидетельствует метафизический характер эпистемического объекта, который использует И.В. Гёте в том плане что посредством него И.В. Гёте осуществляет репрезентацию и трансляцию своих метафизических представлений.

В заключении подводятся итоги исследования, делаются выводы и намечаются перспективы продолжения научных изысканий.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных публикациях автора:

Монографии

1. *Кошлаков Д.М.* Становление единства научной рациональности / Под общ. ред. А.Ф. Степанищева. Брянск: БГТУ, 2017. 204 с.

2. *Кошлаков Д.М.* Исследование сознания и научного знания: когнитивно-синергетический и концептный подходы. Брянск: БГТУ, 2017. 183 с. (в соавт. с А.Ф. Степанищевым и Г.В. Паршиковой)

3. *Кошлаков Д.М.* Научная рациональность: Пределы перепутья. Брянск: БГТУ, 2011. 239 с. (в соавт. с А.Ф. Степанищевым)

Публикации в периодических научных изданиях, рекомендуемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ

4. *Кошлаков Д.М.* Интерактивный космос братьев Гумбольдтов (сообщение о научной конференции) // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 209–213. (Web of Science)

5. *Кошлаков Д.М.* Космос Александра фон Гумбольдта: Образ? Понятие? Концепт! // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 1. С. 69–86.

6. *Кошлаков Д.М.* Концепт и философия науки // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 124–141. (Scopus, Web of Science) (в соавт. с А.И. Швырковым)

7. *Кошлаков Д.М.* Концепт и проблема перевода // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 1. С. 59–68. (в соавт. с А.И. Швырковым)

8. *Кошляков Д.М.* Понятие, концепт, контекст // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 1А. С. 53–59. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.032. (в соавт. с А.И. Швырковым и Н.А. Ноздриной)

9. *Koshlakov D.M.* Sound and Socium // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2017. Vol. XXVI. P. 473–480. DOI: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2017.07.02.61>. (Web of Science) (в соавт. с А.Ф. Степанищевым)

10. *Кошляков Д.М.* Наука как творчество концептов: Вводные положения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. № 2 (19). С. 205–214.

11. *Koshlakov D.* Post-non-classical Ecology as a Direction in Modern Scientific-philosophical Research // SHS Web of Conferences. 2016. Vol. 28. P. 1–5. (Web of Science) (в соавт. с А.Ф. Степанищевым)

12. *Кошляков Д.М.* Номотетизм и идиографизм как парадигмальные установки в контексте методологических особенностей социологии // Социология. 2012. № 1. С. 12–19. (в соавт. с А.Ф. Степанищевым)

13. *Кошляков Д.М.* Направления интеграции научной и философской рациональности в условиях постнеклассического знания // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2011. № 4. С. 241–243.

14. *Кошляков Д.М.* Проблема бытия науки в исследованиях рациональности // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 2. С. 52–55.

Другие публикации по теме исследования

15. *Кошляков Д.М.* Постнеклассический облик экологии (концептуальные модели и идеи) // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. науч. статей. Вып. 17. Брянск: БГТУ, 2020. С. 9–26. (в соавт. с А.Ф. Степанищевым)

16. Кошляков Д.М. Опыт визуального моделирования в проектировании учебного процесса // Эргодизайн. 2020. № 3 (09). С. 149–155. DOI: 10.30987/2658-4026-2020-3-149-155.

17. Кошляков Д.М. Внепонятийные языки и их применение в учебном процессе // Учебный процесс в техническом вузе: сб. науч. тр. Брянск: БГТУ, 2020. С. 132–136.

18. Кошляков Д.М. Визуализация в социально-гуманитарных дисциплинах // GraphiCon 2019: труды 29-й Междунар. конф. по компьютерной графике и машинному зрению (Брянск, 23–26 сент. 2019 г.). Брянск, 2019. С. 104–107. (в соавт. с Ю.Т. Трифанковым)

19. Кошляков Д.М. Эпистемологический потенциал некоторых понятий концепта: эскизные идеи // Новые горизонты: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию БГТУ, 21 марта 2019 года, Брянск / Под ред. О.М. Голембиовской. Брянск: БГТУ, 2019. С. 729–732.

20. Кошляков Д.М. О понятиях и их идеальных типах, или об одной устаревшей концепции // Проблемы современного антропосоциального познания: сб. науч. статей. Вып. 16. Брянск: БГТУ, 2019. С. 83–90.

21. Кошляков Д.М. Концепт как проявление «ученого незнания»: подступы к проблеме // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: Материалы V науч.-практ. конф. с междунар. участ. (10 января 2019 г., г. Брянск): в 2 т. Т. 1 / Под ред. Е.И. Сорокиной, Е.А. Ларичевой: Брянск: БГТУ, 2019. С. 244–248.

22. Кошляков Д.М. Визуализация знаний в анализе перевооружения армии с позиции военной эргономики (содержательные примеры) // Эргодизайн. 2019. № 3. С. 127–137. DOI: 10.30987/article_5d25e4dd25dd28.39207919.

23. Koshlakov D. Eponyms in science terms (Epistemological aspect) // SHS Web of Conferences. 2019. Vol. 72. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197201016> (в соавт. с М. Хохловой, Г. Царевой, Г. Гарбузовой)

24. *Кошлаков Д.М.* Звук. Безопасность. Социум // *Торос*. 2018. № 1. С. 106–118. (в соавт. с А.Ф. Степанищевым)

25. *Кошлаков Д.М.* Семиотика концептного мышления в научном познании // *Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. проф.-препод. состава и магистрантов фак-та экономики и управления БГТУ*. Брянск: БГТУ, 2018. С. 269–274.

26. *Кошлаков Д.М.* Особенности лингвистической реальности математики в контексте проблемы кооперации и конфронтации ее языков // *Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. проф.-препод. состава, магистров и студентов фак-та экономики и управления (10 декабря 2015 г., г. Брянск): в 2 т. Т. 1*. Брянск: БГТУ, 2015. С. 273–276. (в соавт. с А.Ф. Степанищевым)

27. *Кошлаков Д.М.* Проблема визуализации знаний в политической аналитике // *Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. проф.-препод. состава, магистров и студентов факультета экономики и управления (10 декабря 2015 г., г. Брянск): в 2 т. Т. 1*. Брянск: БГТУ, 2015. С. 219–225.

28. *Кошлаков Д.М.* Категории симметрии и асимметрии в социологических и политологических исследованиях // *Вестник Института социологии*. 2013. № 6. С. 196–206.